

ОТРАЖЕНИЕ

Зеркало отчаяния

Зеркало надежды

Зеркало войны

Зеркало любви

И вот я не один был, чтоб идти
В пустынях мира, в сумраке печали,
Хоть замысла высокого пути
Передо мной, далекие, лежали.
Порой терзает добрых Нищета,
Бесчестие смеется над невинным,
Друзья — враги, повсюду темнота,
Толпа грозит, но в сумраке пустынном
Есть радость — не склоняться пред Судьбой,
Ту радость мы извели с тобой!

*Перси Биши Шелли.
«Возмущение Ислама»
(перевод К. Бальмонта)*

Глава 1

Мария-Элена Домбрийская

— **В**аша светлость, вам письмо!

Мария-Элена разогнулась от грядки, вытерла пот локтем и принялась отряхивать ладони.

Да, вот так вот.

Монастырское воспитание — строгое и никому поблажек не делает. Будь ты хоть трижды урожденная Домбрийская, а изволь работать наравне со всеми. И в лазарет ходить, и язвы больным промывать, и на коленях стоять, и вышивать, и книги переписывать...

Много чему учатся девушки в обители святой Эрталы Никийской и выходят отсюда замечательными женами и матерями, умеющими вести самое запущенное хозяйство. Да...

Молоденькая послушница, которая держала письмо, смотрела на девушку, словно щенок. Большие карие глаза, беззащитное выражение... Мария уже знала про нее все возможное.

Сирота, осталась без родителей в эпидемию холеры, попала в трактир прислужницей, там ее и изнасиловали. Бедняжка утопиться хотела, когда поняла, что беременна, но не дали добрые люди. Вытащили, надавали оплеух и привели в обитель.

Сейчас она месяце так на третьем. Родит, отдаст ребенка на воспитание, а потом останется при монастыре. Здесь матушка-настоятельница хоть и строга, но кусок хлеба найдет, да и рабочие руки всегда в чести.

— Благодарю.

Письмо перешло из одной руки в другую. Послушница вежливо отвернулась, чтобы не мешать герцогессе. Мария-Элена распечатала его и быстро побегала глазами по ровным строчкам.

Впрочем, хватило ее ненадолго.

Уже через пару минут молоденькая послушница услышала вскрик и какой-то шум. Обернулась и успела как раз вовремя, чтобы не дать юной герцогессе повстречаться лицом с землей.

Читать девушка не умела, но, видимо, плохие вести?

Она устроила герцогессу на грядках поудобнее и огляделась в поисках воды.

— Не надо... помощи мне добраться до комнаты.

Такие просьбы не игнорируют. Лира, так звали девушку, подхватила ее светлость под руку и помогла встать. Потом оглянулась на письмо. То жалобно белело листками на грядках.

— Простите, ваша светлость...

Герцогесса махнула рукой:

— Не стоит. Думаю, матушка-настоятельница уже в курсе.

Что именно должна была знать настоятельница, Лира спросить не осмелилась. А ласковый летний ветерок играл с листками, то показывая слова, то вновь убирая их от любопытных солнечных лучиков.

«Дражайшая падчерица.

Ваш отец болен, и мы опасаемся, что он не проживет и месяца. Вам следует немедленно выехать домой, если вы хотите застать его в живых.

Дано в Донэре, семнадцатого червеля¹.

Лорена, герцогиня Домбрийская».

Мачеха, не мать. Родной матери у Марии-Элены уж лет двенадцать как в живых не было. А теперь умирал и отец. И что-то ждет ее впереди?

С таким и взрослому человеку справиться сложно, а уж семнадцатилетней соплюшке, которая последние десять лет провела в монастыре? Конечно, Мария-Элена не ждала от жизни ничего хорошего.

* * *

Матушка-настоятельница всегда знает о том, что происходит в монастыре. Иначе — лишается своего поста и власти.

Она знает, кто ворует с монастырской кухни еду, кто из монашек молится искренне, а кто по обязанности, кто из воспитанниц любезничает со смазливym конюхом и кто по ночам читает под одеялом непристойные вирши площадных поэтов. Работа такая...

О письме она тоже узнала достаточно быстро. Донесли.

Привилегия герцогской крови — у Марии-Элены была своя комнатка. Крохотная, в ней помещались

¹ Календарь ромейского года — с января месяца. Также двенадцать месяцев, названия: стужень, лютень, морозник, протальник, травник, червень, листвень, сытень, живень, сонник, листопадник, снежень. (Прим. авт.)

лишь кровать, узкий шкаф и таз для умывания, но и то уже благо. Ей не приходилось делить спальню еще с десятком девиц. Она могла остаться одна хотя бы ночью, только вот как же тяжелы были эти ночи. В узкое окошко-бойницу почти не заглядывал свет, и иногда девушка чувствовала себя как в темной ледяной яме. Словно в погребу.

Когда-то Силанта заперла ее там... Как же герцогесса кричала, колотила по двери, срывая ногти, звала... и никто, никто не пришел.

И сюда никто не пришел, молись, не молись. Отец умирает. Всё...

Сейчас тоже никто не придет.

Ан нет, дверь скрипнула. По традиции засовов на дверях в монастыре не было, редкое исключение составляли покои настоятельницы, а остальные...

Что тебе скрывать в божьем доме?

— Мир душе твоей, дочь моя.

Мария-Элена вскочила с кровати так поспешно, словно та задымилась. Опустилась на колени, коснулась губами протянутых ей четок.

— Благословите, матушка.

— Да пребудет над тобой милосердие Ее.

— Аэссе¹, — привычно отозвалась Мария-Элена.

— Мне пришло письмо, дитя мое. Сочувствую твоему горю.

Мария-Элена осмелилась поднять глаза и бросить на настоятельницу робкий взгляд. И тут же вновь опустила ресницы.

Конечно, она не сочувствует. Просто привычно говорит правильные слова, эта женщина в сером платье

¹ Аналог «аминь», слово, которым привычно заканчиваются все молитвы. (Прим. авт.)

и белом платке на тщательно уложенных косах. Не старая, полноватая, с мягким, даже невыразительным лицом, похожим на непропеченную булку... и глаза, как две изюминки. Впрочем, Мария-Элена отлично знала, каким грозным может быть ее голос, какими жесткими глаза и как сжимаются губы, произнося привычную фразу: «В темную, на хлеб и воду, на трое суток».

— Разумеется, ты должна ехать домой. Твоя мать на этом настаивает.

— Да, матушка.

Настоятельница вздохнула:

— Мы искренне надеялись, что ты решишь остаться под защитой наших стен, но, видимо, Она решает иначе, и Ей угодна мирская жизнь, не монашеская...

— Матушка... ее светлость что-то писала обо мне?

Слова почти не выговариваются, язык сухой, как сброшенная змеиная кожа, и едва поворачивается во рту.

Настоятельница смотрела с грустью.

— Да, дитя мое. Герцогиня написала, что тебе уже нашли жениха, хотя имя его в письме и не названо, но это хорошая партия.

Мир темнел, рассыпался осколками...

Мария-Элена хотела бы броситься к ногам настоятельницы, умолять оставить в монастыре...

Бесполезно. Все — бесполезно.

Впрочем, матушка сама поняла ее состояние.

— Если получится так, что ты предпочтешь мирской жизни наше служение, тебе достаточно будет написать мне.

— Но как я...

— Я дам тебе с собой клетку с голубями.

— Благодарю вас, матушка.

В этот раз даже получилось поклониться. И еще раз поцеловать четки.

— Помни, дитя мое, мы всегда будем рады видеть чистую душу в стенах нашей обители.

— Благодарю вас, матушка.

— Скоро тебе принесут мирские вещи.

— Матушка?

— Ты приехала сюда совсем ребенком и не помнишь всего. Твой отец прислал для тебя вещи... вряд ли они подойдут идеально, но полагаю, что-то можно будет подогнать по фигуре.

— Да, матушка. Благодарю вас, матушка.

— Будь всегда такой же доброй и послушной, и да пребудет над тобой Ее благословение.

Мария-Элена быстро осенила себя святым ключом:¹

— Аэссе...

* * *

Настоятельница давно ушла, а Мария-Элена сидела на кровати, глядя в стену безнадежным взглядом.

Принесли и поставили сундуки, окончательно загроздив крохотную каморку, а она сидела и сидела, не шевелясь, даже когда колокол пробил вечернюю молитву.

Ах, как давно это было.

Зеленый луг, мамины глаза, сияющее солнце, ласковый голос: «Малечка моя, самая красивая девочка, самая умная, самая любимая...»

Сегодня ее не трогали, не звали ни на молитву, ни к ужину, ни на бдение, сегодня нарушился весь

¹ Святой ключ — аналог христианского креста. Поочередное касание лба, середины груди, живота примерно на уровне пупка. (*Прим. авт.*)

жесткий монастырский распорядок, а Малена, так звала ее мама, сидела, смотрела в стену и не знала, что ей делать.

Ехать домой?

К мачехе, к ее родным, к сводной сестре, о которой до сих пор вспоминается с ужасом, к отцу...

Отцу, который предал ее и мать, который заточил ее в эту жуткую тюрьму.

Больше десяти лет в монастырских стенах. Больше десяти лет учебы, труда, окриков, бдений, искупления и покаяний...

Герцогесса?

Кому здесь какая разница?

С губ Малены сорвался горький смешок. Мачеха наверняка лично выбрала эту темницу. Наверняка...

В монастыре Святой Эрталы Никийской всем безразлично, какое у тебя состояние. Здесь молятся, трудятся, а такие, как она, еще и учатся, чтобы стать хорошей женой и матерью. Она умеет проверять счета, варить мыло, дословно знает, как вести хозяйство, знает несколько языков, хорошо считает...

Музыка?

Танцы?

Сие изобретение Хозяина Пустоты, так что в монастыре этому не учат.

Платья...

Серый и черный, шерсть и сукно, то, что приличествует воспитаннице монастыря. Ни единой ленты, ни клочка батиста или шелка...

Грубое мыло, простая обувь...

Малена вздохнула и, наконец, слезла с кровати. Коснулась гладкой крышки сундука. Кедр, благородное дерево, герб Домбрийских на крышке... Замок отшелкнулся с легким звоном, петли послушно по-

вернулись, явив миру содержимое сундука, обильно пересыпанное лавандой.

Платья.

Малена достала из сундука то, которое лежало сверху, взгляделась...

И задохнулась от волнения, от боли, от гнева.

Мамины платья!

Отец не просто вышвырнул дочь из своей жизни почти на десять лет, он и от памяти о первой жене избавился. Или это мачеха?

Малена помнила, какой красивой была мама в этом платье, как кружилась в синем бархате, как сияли каштановые кудри, сверкали фамильные сапфиры Домбрийских, помнила ласковые руки, веселый смех, нежные слова.

«Малечка, девочка моя, ты вырастешь намного красивее мамы...»

* * *

Настоятельница удовлетворенно кивнула и закрыла потайной глазок.

Плачет.

Вот и хорошо.

Десять лет, почти десять лет... Герцог Домбрийский надеялся на появление наследника, но что-то у него пошло не так, нет, не так...

Дочь он видеть не хотел, дочь он отослал в монастырь, а уж она позаботилась о девочке.

Мария-Элена слаба, податлива, легко внушаема, она просто тень самой себя. И жизнь вне монастырских стен теперь не для нее, без руководства она и дня там не протянет. Настоятельница сделала все, чтобы девчонка вернулась в обитель.

И не просто так, нет...

Послушницы приносят с собой мало, монахини намного больше. Деньги Домбрийских, земли Домбрийских... кто осмелится пойти против Собора?

Надо просто немного подождать, и девчонка сама свалится ей в руки. В услужливо подставленные, милосердные руки.

* * *

Малена плакала долго, но силы человеческие небеспредельны. Слез хватило примерно на два часа, потом молодой организм взял свое, и захотелось есть.

Еды она, конечно, до утра не получит, а если попробует попросить или пробраться на кухню, вполне может получить в наказание трехдневный пост и молитву.

А кушать хочется.

А уснуть на голодный желудок, когда тебе всего восемнадцать... ладно, восемнадцать будет через два месяца, аккуратно в живень...

Малена подумала пару минут и решила перебрать мамины платья. Что-то ей обязательно подойдет, но что-то и перешивать придется. Иголка и нитка в келье есть, можно начать уже прямо сейчас.

А там и спать захочется, или утро придет, и надо будет вставать на молитву...

* * *

Платья расстилались на кровати всеми цветами радуги. Каштановые волосы, серые, грозовые глаза Домбрийских — мать была красива. И цвета носила яркие: синий, зеленый, алый, пурпурный...

На Малене это смотрелось...

Нет, платья-то выглядели отлично, несмотря на возраст, а вот Малена в них — жалко.

Плечи обвисали, грудь жалобно пузырилась, хоть платки подкладывай, талия тоже находилась решительно не там, да и мама была чуть толще Малены. Хотя это и неудивительно, на монастырских харчах не потолстеешь.

Распарывать и перешивать, иначе никак. Это просто подшить не получится, разве что длину сейчас убрать?

Малена лениво копалась в сундуке, когда заметила...

Крышка была... не цельной.

Тонкая, словно волос, щель проходила по всей ее кромке. Видимо, когда-то в ней сделали тайник, и он был незаметен, но за десять лет... кто знает, как хранились сундуки?

Сырость, сухость... Дерево рассохлось, и стало видно, что там пустота.

Тайник?

Малена понимала, что поступает глупо, что вряд ли там что-то будет, что...

Какая разница?

Пальцы не справились, а вот ножницы подошли, и через пару минут дощечка отошла, открывая пространство, заполненное корпией. И в ней лежал небольшой полотняный мешочек. Совсем небольшой...

Малена медленно взяла его в руки.

Что там?

Что-то мамино?

Пальцы дрожали так сильно, что завязки пришлось распускать зубами, но наконец они поддались, и в руках у Малены осталось... зеркало.

Очень старое, в тяжелой металлической оправе черного цвета, кое-где позолота, кое-где царапины... но только на оправе. На самом зеркале нет ни царапины, ни скола...

Странное стекло, золотистого цвета, и лицо Малены в нем кажется совсем не знакомым, взрослее, серьезнее... громадные глаза, серые, как у матери, высокие отцовские скулы...

Когда-то мама держала это зеркало в руках.

Малена медленно провела пальцем по оправе. Ойкнула, отдернула руку, видимо, металл плохо отполировали, осталась заусеница, а на подушечке пальца выступила капелька крови. Девушка слизнула ее...

Внезапно накатила усталость, захотелось спать.

Мама...

Ни за что она с этим зеркалом не расстанется и не покажет его никому.

Зеркало решительно отправилось в тот же мешок и для начала — под подушку. Так Малена и уснула, вцепившись в свою драгоценность даже во сне.

Лорена Домбрийская

Полетело в стену зеркало, вслед за ним отправилась книга, подушка, со злости женщина перевернула чайный столик, выдохлась и замерла среди комнаты демоном разрушения.

— Тварь!

Титул, красота, молодость (что такое тридцать пять лет? Ерунда!), богатство, власть...

Панацеей не является ничего из вышеперечисленного.

Муж умирает. А с ним умирают и надежды Лорены на счастливую, обеспеченную жизнь.

Впрочем, метаться по комнате Лорене надоело достаточно быстро, и она помчалась в покои, отведенные для проживания графу Рисойскому. Брат-близнец, вторая половинка, родной и любимый человек. Да, такие бывают даже у гадюк.

Хотя лично Лорена себя ни гадюкой, ни гадиной не считала, дело-то вполне житейское...

Когда тридцать пять лет назад в семье Рисойских родились близнецы, отец закатил по этому поводу пирушку на неделю. С угощением всех проезжающих, с подарками, с хмельными возгласами...

Для него жизнь была счастьем и праздником, так он и вел себя, а чтобы деньги зарабатывать, приумножать фамильное достояние... Какие интересные у вас шутки!

Аристократам таким заниматься неуместно, это для выскочек, выползков из низов общества, всякого отребья! Но уж точно не для Рисойского, который, бывало, и с королевским домом роднился!

Скончался отец от белой горячки, когда близнецам было по пятнадцать лет. Мать умерла в эпидемию холеры, тогда же умер и младший брат, Впрочем, близнецы ни о ком не тосковали. Не умели. Друг друга им вполне хватало для счастья.

Быть красивой девушкой всегда приятно.

Но если ты бедна, как соборная крыса?

Если из всех платьев у тебя лишь два — без дырок, а остальные перешиты из старых, еще материнских? Если имение заложено за долги папочки, чтоб его шервули¹ сожрали?

¹ Шервиль — примерный аналог черта, местные жители представляют его в виде громадного зубастого червяка. После смерти шервули медленно, по кусочкам, жрут души грешников и выплевывают... да, именно оттуда. *(Прим. авт.)*